

81.

95297

КАЖ

ТМ

ДОВИ

ГО

157

15.00

Lagerbibliothek

1851-1852
1853-1854

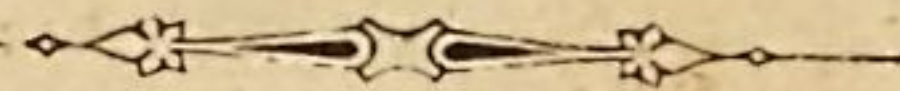
ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

ПО

МАЛОРОССИЙСКИМЪ ПѢСНЯМЪ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ МАЛОРОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ.

А. БОРОВИКОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1879

[1] Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 октября 1879 г.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

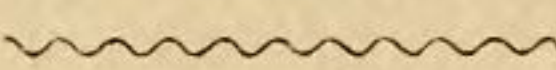
1503/979

Этотъ очеркъ написанъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ и былъ напечатанъ, въ 1867 году, въ редактировавшихся О. М. Бодянскимъ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ». По желанію нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ мнѣ земляковъ, я издаю теперь, безъ всякихъ исправленій, этотъ, дорогой для меня лично по воспоминаніямъ, трудъ отдѣльной брошюркой, посвящая ее любителямъ народной поэзіи. Я не рѣшился измѣнить и орѳографію малорусскихъ словъ, оставляя ее тою же, какой придерживался въ «Чтеніяхъ» столь авторитетный знатокъ языка, какъ покойный О. М. Бодянский.

Само собою разумѣется, что и въ настоящее время я не придаю этому труду бѣльшого значенія, чѣмъ то, какое давалъ при первоначальномъ изданіи: это—юношескій опытъ привести въ послѣдовательную связь поэтическіе мотивы народныхъ малорусскихъ пѣсенъ про женскую долю.

А. Б.

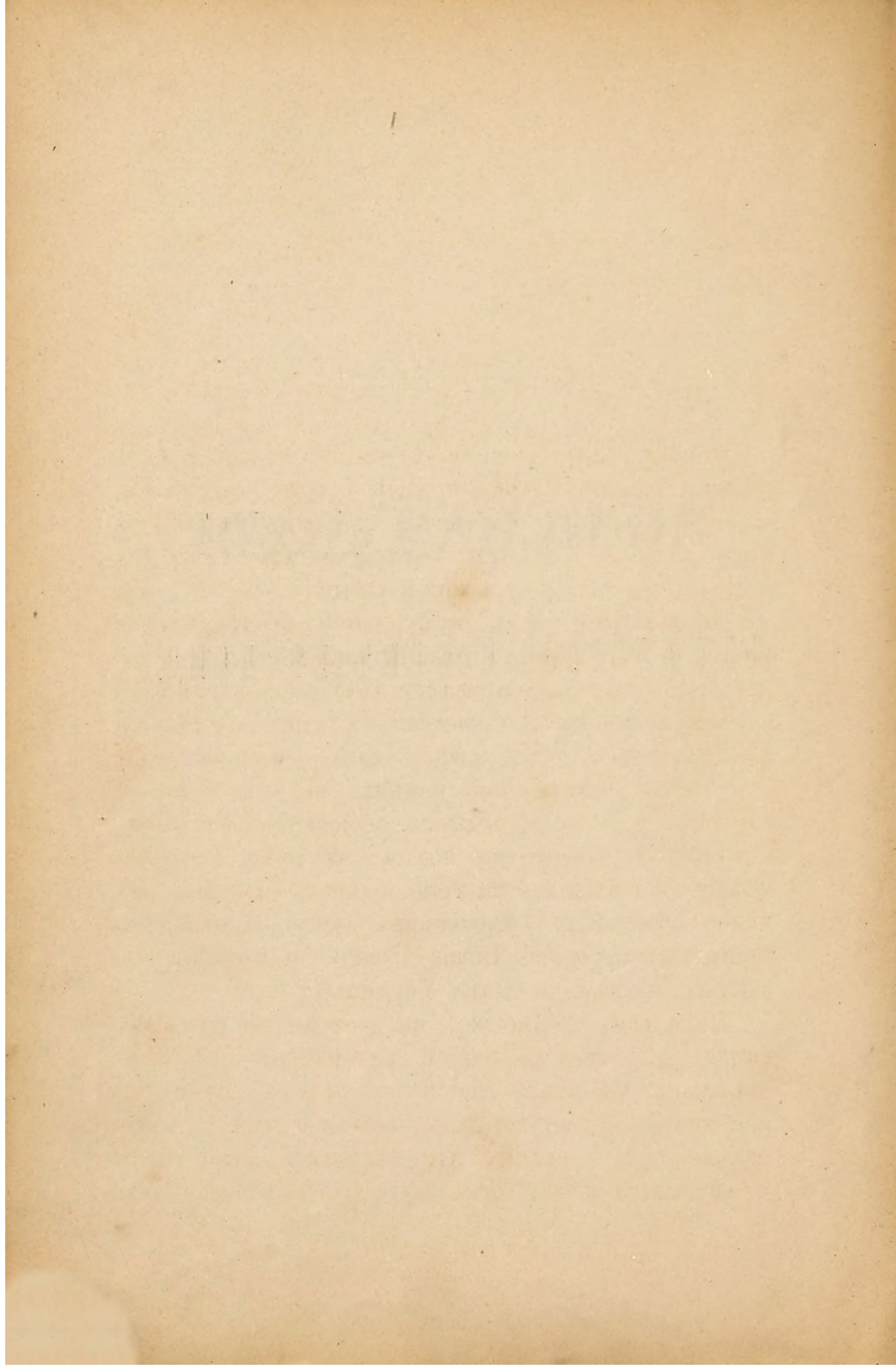
7 Сент. 1879 г.

Sonderlager Ibbenbüren i. Westf.
Telefon: 198

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

ПО МАЛОРОССИЙСКИМЪ ПѢСНЯМЪ.

Меня всегда поражали украинскія пѣсни, и даже больше чѣмъ музыкой—поэзіей своего содержанія. «Громада великій человѣкъ», говорятъ наши земляки; невольно скажешь, наслушавшись этихъ пѣсень, что громада—и великій поэтъ.

Ни широкая удалъ, ни бурлацкая безпредѣльная тоска, не составляютъ отличительной черты малорусской поэзіи; ее характеризуетъ сосредоточенная грусть, тихое горе. Украинскія пѣсни—это тѣ сказочныя слезы, что каждая слеза—жемчужина.— Эти слезы, чувствуешь, навѣяло не минутное настроеніе духа, ихъ выжало дѣйствительное горе. Эти пѣсни—поэзія для поэзіи; въ нихъ правдиво и свободно выливается горе, единственно для того, чтобъ облегчить, «розважить» душу. И правдивы наши пѣсни, «какъ Божіе слово», и правда, что въ нихъ—«вѣчная слава Украины».

Несмотря, однако же, на достоинства украинскыхъ пѣсень, въ нашей литературѣ онѣ мало извѣстны. Сборники (несмотря на ихъ значительное число) не могутъ дать понятія о духѣ, о поэзіи пѣсень, уже потому, что въ нихъ обыкновенно помѣщаются пѣсни безъ нужнаго порядка, часто

попадаютъ туда мотивы испорченные. Сборникъ что рудникъ: золота много, но его надо добыть отсюда, а сразу его, пожалуй, и не замѣтишь.

Чтобъ дать хоть приблизительное понятіе о томъ, какое богатство поэзіи въ украинскихъ пѣсняхъ, я взялъ часть изъ нихъ, и именно тѣ пѣсни, въ которыхъ поется про женскую долю, и привелъ ихъ въ связь. Я выбралъ изъ этихъ пѣсенъ лучшія различія характеристичныхъ напѣвовъ и, не пускаясь въ толкованія (въ которыхъ поэзія и не нуждается), представилъ въ простомъ разсказѣ, какъ представляется въ нихъ женская доля. При этомъ я держался той послѣдовательности, въ какой идетъ самая жизнь женщины. Въ ней рѣзко различаются три поры: дѣвушка, жена, мать. Я и рассказываю, какъ представляется въ украинскихъ пѣсняхъ каждое изъ этихъ положеній. Если мой разсказъ дастъ хоть намекъ на то, сколько поэзіи въ этихъ пѣсняхъ, то я не пожалѣю употребленнаго на него труда.

I.

КОХАНЬЕ.

Ой Боже жъ мій, Боже,
Що жъ тая любовъ може!...

Ой хто не знає жениханьнячка,
Той счастья не знає...

Ой хто не знає жениханьнячка,
Той не знає лиха!..

(Піснi).

Почти во всѣхъ украинскихъ пісняхъ, гдѣ въ первомъ лицѣ говоритъ дѣвушка, или говорится о дѣвукѣ, — поется про любовь, про „коханье“. Вся жизнь дѣвушки, по крайней мѣрѣ вся поэзія этой жизни, сосредоточивается на этомъ чувствѣ. Здѣсь вся ея радость, здѣсь все ея горе. Кто не знаетъ любви, тотъ, говорится въ пісни, не знаетъ ни счастья, ни лиха.

Любви сочувствуетъ вся природа. Мѣсяцъ, звѣзды только и свѣтятъ для милаго и его коханой дивчины. Дѣвушка говоритъ, что еслибъ ея милый былъ въ саду, то отъ этого садъ зазеленѣлся бы. Сухіе дубы развиваются, видя коханье, а когда разлюбилъ козакъ, высохли и зеленые:

„Ой якъ же мы кохалыся, —
 Сухы дубы розвивалыся;
 А якъ кохатця пересталы, —
 Й однолиткы повсыхалы...“

Дѣвушка увѣрена, что еслибъ ея милый утонулъ, то Дунай разлился бы. Гдѣ ѣдетъ милый, тамъ шелковая трава и деревья зеленѣютъ, а гдѣ ѣдетъ нелюбъ, за нимъ ложится трава и вянутъ деревья.

Едвали въ какомъ нибудь языкѣ есть столько нѣжныхъ словъ для выраженія любви, какъ въ малорусскомъ. Переводить украинскія пѣсни даже на такой близкій языкъ, какъ великорусскій, нѣтъ никакой возможности, не испортивши пѣсенъ. Сколько здѣсь непереводаемыхъ выраженій, ласкательныхъ именъ, и одно нѣжнѣе другого; даже глаголы, нарѣчія употребляются въ ласкательной формѣ. Какія поэтическія сравненія и желанія встрѣчаются на каждомъ шагу! Вотъ, напримѣръ:

И по сей бикъ гора,
 И по той бикъ гора,
 А мижъ тымы та гиронькамы
 Котылась зоря.

Ой то жъ не зоря,
 Ой то жъ не ясна,
 Ой то жъ моя молода дивчына
 По водыцю йшла.

Въ другихъ пѣсняхъ дѣвушка желаетъ быть птичкой, чтобъ полетѣть, взглянуть на милаго; она раскопала бъ горы, вырубилла бъ лѣса, чтобъ увидѣть его хату; желала бъ быть звѣздочкой, чтобъ свѣтитъ своему милому:

„Колы бъ же я була красна,
 Якъ та зѳря ясна, —
 Свитыла бы я знàю кому,
 Николы бъ не згасла!“

Какъ бы ей хотѣлось знать „малярство“, чтобъ нарисовать своего милаго, „накарувать“ его очи, и поставить портретъ у своего изголовья! Козакъ и дѣвушка любятъ другъ друга больше всего на свѣтѣ, больше чѣмъ отца, больше чѣмъ мать: „Батько мый, маты мыла, дивчына мыйша!“ Особенно богаты нѣжными сравненіями веснянки (пѣсни, которыя поются весною, при играхъ).

Козакъ и дѣвушка представляются обыкновенно красавцами. Бѣлое лицо, черныя брови, карыя очи, русыя кудри—вотъ главные достоинства красоты по украинскимъ пѣснямъ. У дивчины, кромѣ того, губки и личико румяныя, „какъ калина“. У козака—черные усы, ровные „какъ кдлось“; у него тихій говоръ. Козакъ часто представляется въ синемъ, или голубомъ жупанѣ, на ворономъ конѣ, въ черкесскомъ сѣдлѣ. Бываютъ, впрочемъ, и своеобразные вкусы на счетъ красоты; такъ, на примѣръ, поется:

„Ой хто любить чорны очи, а я голубеньки!“

Есть достоинства, которыя ставятся еще выше красоты; дѣвушка такъ жалѣетъ о разлукѣ съ милымъ:

„Ой пишовъ мый за лись, за лись,

Чорны бровы занись, занись.

Ой пишовъ мый за диброву,

Занись свою тиху мову...

Ой не такъ мыни за бровами,

Якъ за вирными словами!“

Впрочемъ, любовь признается невольнымъ чувствомъ, которое не подчиняется никакимъ условіямъ; любятъ не всегда лучшаго:

„Ой десь же ты, мій мыленький,
 У барвинку купався:
 Булы луччи, булы кращи,—
 А тѣ мыни сподобався!“

Въ любви играютъ роль чары, въ особенности чары посредствомъ зельевъ. Еще мать, купая дитя въ извѣстныхъ зельяхъ, можетъ „приворожить“ ему долю. Въ только-что приведенномъ отрывкѣ пѣсни, дѣвушка, говоря козаку, что она видѣла много лучшихъ, но никто не былъ ей такъ милъ, объясняетъ его чарующую силу тѣмъ, что онъ „въ барвинку купался“. Зельемъ можно заставить полюбить себя. И, наоборотъ, есть такое зелье, отъ котораго забывается любовь. Особенно связь съ любовью имѣютъ любистокъ, василекъ, барвинокъ, мята, рута. Кромѣ зельевъ, есть еще другія чары: такъ говорится про подкуриванье отрѣзанной косой, про чары посредствомъ „песку изъ подъ ступней“, и проч. О подобныхъ чарахъ упоминается въ пѣсняхъ часто; однако имъ не приписывается несомнѣнной силы, и, напримѣръ, въ той пѣсни, гдѣ дѣвушка проситъ зелья, которое помогло бы ей забыть любовь, она тутъ же сознается, что зелье не поможетъ горю:

„Буду пыты черезъ силу,
 Капли не упущу,
 Тебе жъ тоди я забуду,
 Якъ очи заплющу!“

Зато есть другія, вѣрныя чары,—тѣ, которыя есть у каждой красавицы:

„Ой есть у мене чары готовы:
 Билее лыченько, чорныи бровы“.

Вотъ характеристично высказанъ взглядъ на чары:

„Не сіявши, не оравши,
 Не буде й родыты:
 Козака не чарувавши,
 Не буде й ходыты.

Ой я й жыта не сіяла,
 Само жыто родыть:
 Козака не чарувала,
 Самъ до мене ходыть“.

Большее значеніе имѣютъ проклятія. Въ особенности за материнскими проклятіями признается нерушимая сила. Что же касается до добрыхъ пожеланій, то они дѣлаютъ даже чудеса. Дѣвушка пожелала козаку хорошаго урожая; и дѣйствительно, не успѣла она дойти до дому, какъ пшеница уже взошла: еще не отворила дверей, какъ пшеница уже поспѣла; еще спать не легла, какъ пшеница уже сжалась; еще и Богу не помолилась, какъ пшеница уже стояла въ стогахъ.

Въ украинскихъ пѣсняхъ воспѣвается преимущественно горе любви; если же говорится и о радости, то больше въ прошедшемъ, для противопоставленія настоящему. Даже въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ говорится про счастье коханья, почти неизбѣжная тревога, если не мука.

Мѣсто свиданій козака и дивчины всегда вечеромъ. Дѣвушка говоритъ козаку: „Не ходи днемъ, не смѣши людей!“ Въ другой пѣсни поется:

„Ой заходыть сонечко за вышневы садъ:
 Цилуйтеся, мылуйтеся, а хто кому радъ!“

Итакъ, вечеромъ, козакъ и дивчина сходятся въ условленномъ мѣстѣ. Но чаще козакъ подходитъ къ хатѣ своей милой, и зоветъ ее утѣшить его сердце; съ нѣжной заботливостью говоритъ онъ ей:

„Ой вийды, вийды, не бійсь морозу,
Я твои ниженькы въ шапочку вложу!“

Дѣвушка не тотчасъ выходитъ къ нему; она выйдетъ, когда погаснетъ свѣча и заснутъ ея отецъ и мать, которые вообще не покровительствуютъ коханью, боясь людскихъ пересудовъ, „славы—поговѣру“. Наконецъ она выходитъ и освѣтитъ душу козака, какъ освѣщаетъ поле вечерняя звѣздочка, выйдя изъ за черной тучи. Обо всемъ этомъ говорится во многихъ прекрасныхъ пѣсняхъ; вотъ одна изъ нихъ:

„Ой зійды, зійды,
Ты зиронько та вечирняя!
Ой вийды, вийды,
Дивчынонько моя вирная!“—

„Рада бѣ зирка зійты,—
Чорна хмара наступає...
Рада бѣ дивка вийты,—
Такъ матуся не пускає.

„Не подоба зирци
Рано зъ вечера зиходыты:
Не подоба дивци
До козака тай виходыты“.

И зиронька зійшла,
Усе поле освітыла,
А дивчына вийшла,—
Козаченька звеселыла.

Въ пѣсняхъ говорится о поцѣлуяхъ, о тихомъ разговорѣ; козакъ и дѣвушка рассказываютъ другъ другу о своей любви, о тоскѣ, когда они не видятся, высказываютъ ревность; дѣвушка рассказываетъ, какъ бранить ее мать, какъ осужда-

ють чужіе люди... Когда-бъ поскорѣе избавиться имъ отъ этихъ преслѣдованій!

„Та поможи, Боже, на рушнычку стати:
Тоди не разлучать ни батько, ни маты,
Ни чужая чужына,
Колы судылася дружина!“.

Иногда дивчина (если ей не отъ кого прятаться) впускаетъ козака къ себѣ въ хату и играетъ, „жартуетъ“, съ нимъ „до зари“. Козакъ возвращается отъ своей милой, когда „раскрываетъ свои цвѣты макъ“ и надворѣ начинается свѣтать, „днѣть“:

„Ой десь же ты, моя мыла,
Та изъ шовку извыта,
Що ты мене додержала
Ажъ до билого свита!“

— „Ой извыта, мій мыленькій, звыта
А изъ билого билыла,
Тымъ я тебе додержала,
Що я вирно полюбыла!“

Я уже сказалъ, что рѣдко можно встрѣтить пѣсню про счастье любви, гдѣ бы не примѣшивалась если не мѹка, то, по крайней мѣрѣ, какая-то тревога. Это замѣтно даже въ самыхъ игривыхъ, самыхъ беззаботныхъ пѣсняхъ. Для примѣра приведемъ вотъ эту прелестную пѣсню:

„Ой мисяцю, мисяченьку,
Не свиты никому,
Тилько мойму мыленькому,
Якъ иде до дому!“—

—Ой мисяцю, мисяченьку,
 И ты, зоре ясна,
 Ой свитить тамъ по пидвирью,
 Де дивчына красна!—

„Ой мисяцю, мисяченьку,
 Ты зайды за хыжу:
 Нехай же я зъ своимъ мылымъ
 Сяду та посыжу!

Два лебеди на тій води,
 Обыдва биленькы...
 Не будемо, серце, въ пари,
 Бо ще молоденькы!

Два лебеди на тій води
 И днює й ночує...
 Не будемо, серце, въ пари,
 Душа моя чує!“

Въ любви невозможно обойтись безъ тревоги. „Въ этой радости такъ грусти много“, что понятно, почему въ пѣсняхъ о любви гораздо больше говорится про ея муки, чѣмъ про счастье. Въ пѣсняхъ это естественно тѣмъ больше, что горе, сильнѣе чѣмъ счастье, возбуждаетъ потребность высказаться, чтобъ слезами и жалобами облегчить, „розважить“ душу. И эта потребность является часто; недаромъ поется:

Ой хто не знає жениханьячка,
 Той не знає лыха!..

Сколько приходится терпѣть его отъ одной ревности! Про измѣну въ пѣсняхъ говорится нерѣдко. По большой части измѣняетъ козакъ. Дѣвушка обыкновенно переноситъ измѣну своего милаго, покоряясь своему горю. Мало того:

на мѹку себѣ, она никакъ не можетъ забыть свою любовь. Ея милый милъ ей и теперь. И теперь ей хочется его видѣть, даже вмѣстѣ съ своей соперницей:

„Ой зійду жъ я, зійду на гору крутую,
Стану, подывлюся на воду быструю,
Ажъ мій мылий йде быстрою водою,
Быстрою водою, зъ чужою жоною.

Вы жъ, густыи лозы, тай одхылитеся,
Вы жъ, дрибныи слезы, тай одкотитеся:
Нехай я побачу, по кому жъ я плачу,
Хочъ я подывлюся, по кому журюся!“

Дѣвушка жelaетъ своему, все таки милому, счастья даже и съ другою, только чтобъ и та была такъ же хороша, какъ она:

„Десь мій мыленький,
Чорнобрывенький
Зъ иншою секреты має.

Колы зъ такою,
Якъ изо мною,—
Поможы ему, Боже!

Якъ же зъ иншою,
Ще й поганшою,—
Розлучы его, Боже!“

Но бываетъ, что дѣвушка не въ состоянїи вынести своего мученья. И горе тогда и ей и ея измѣнившему другу! Она готова и утопиться, и разбиться о камень, и отдаться звѣрямъ на растерзанїе... Она готова убить своего милаго, и убиваетъ, не переставая любить. Кто изъ малороссовъ не

знаетъ неподражаемой пѣсни: „Не ходы, Грыцю, на вечор-
ныци“, какъ другая дивчина причаровала Грыця „готовыми
чарами—бѣлымъ личикомъ да чорными бровями“ и какъ
прежняя милая отравила его изъ ревности... Есть нѣсколько
подобныхъ пѣсень... Есть и такія пѣсни, гдѣ козакъ изъ
ревности, въ отмщеніе за обманъ, убиваетъ дѣвушку. Въ
пѣсни про Грыця рассказывается, какъ собралась громада
и запретила даже вспоминать о немъ, но дѣвушки подоб-
ныхъ драмъ не могутъ забыть и всегда вспоминаютъ про
Грыця, когда идутъ мимо его могилы вѣнки плестъ.

Въ пѣсняхъ упоминается еще о разрывѣ безъ измѣны
для другой любви, объ охлажденіи. Одна сторона перестаетъ
любить—для другой мѹка. Забытая дѣвушка не можетъ раз-
любить покинувшего ее козака, несмотря ни на какія
чары противъ своей любви. А если и пройдетъ наконецъ
любовь, то никогда не пройдетъ безслѣдно и все таки оста-
вить за собой много тяжелыхъ думъ:

Хочъ мынулыся въ саду яблучка,
Не мынаютця дульки:
Хочъ мынулося жениханьячко,
Не мынаютця думкы...

Забытую своимъ милымъ дѣвушку пѣсня утѣшаетъ такъ:

Не журыся, дивчинонько,
Рута зелененька:
Сей покыне, другый буде,
Ще ты молоденька!

До сихъ поръ было говорено объ одной причинѣ горя
отъ любви—о горѣ, которое является въ любви само собою,
безъ вмѣшательства внѣшнихъ обстоятельствъ; теперь слѣ-
дуетъ сказать о тѣхъ случаяхъ, когда горе происходитъ отъ

различныхъ внѣшнихъ препятствій для любви. Такіе случаи часты:

Не вси тыи садкы цвितуть,
Що весною розвиваютьця:
Не вси тыи винчаютьця,
Що вирненько та й кохаютьця;
Половина садкивъ цвите,
Половина осыпаетця:
Одна пара винчаєтця,
А другая разлучаетця.

Самой общей причиной внѣшнихъ препятствій для любви являются препятствія со стороны родителей, особенно со стороны матери. Мать не покровительствуетъ любви: или дочь еще слишкомъ молода, или мать боится людской славы, „поговору“. Она говоритъ, что дѣвушкѣ неслѣдуетъ выходить къ козаку, какъ неслѣдуетъ звѣздочкѣ выходить слишкомъ рано на небо. Если мать боится славы, поговору, то она собственно не запрещаетъ любить, а только хочетъ, чтобъ сватовство шло правильнымъ, чиннымъ образомъ: кому нужно ея дочери, „пустъ войдетъ въ хату“, а не вызываетъ ее къ себѣ. Случается, что мать не хочетъ выдать дочь за ея милого, по причинѣ его бѣдности.

Богатство вообще не пользуется сочувствіемъ пѣсенъ: съ словомъ „богатый“ почти всегда неразлучны эпитеты: „чубатый, губатый, горбатый“, вообще безобразный; богачъ по большей части представляется старымъ, пѣсни часто смѣются надъ ухаживаніемъ богача старика:

Посіяла руту-мьяту
Надъ водою,
Та й вродыла рута-мьята
Зъ лободою:
„Ой хто жъ мою руту-мьяту
Та й прополе?“ —

Обизвався старый дидусь
 Зъ бородою:
 „Ой я жъ твою руту-мьяту
 Та й прополю!“—

„Ой цуръ тоби, старый диду,
 Зъ бородою!
 Нехай росте рута-мьята
 Зъ лободою!“

Немилый, за котораго дѣвушку приневоливаютъ идти, непременно богачъ. Если встрѣчается сравненіе между богатствомъ и красотою, то, разумѣется, преимущество всегда за красотой. Козакъ красавицу дѣвушку возьметъ себѣ, а богатую готовъ подарить кому угодно. А когда козакъ не рѣшается сватать дѣвушку за ея бѣдность, она съ презрѣніемъ говоритъ ему, что если бѣ была богата, то насмѣялась бы надъ нимъ за такую любовь. Богатство даже положительно мѣшаетъ любви:

Летивъ орелъ по надъ моремъ:
 „Подай, море, пыты“!
 Ой якъ тяжело убогому
 Богату любыты!

Дѣвушка не рѣшается выходить за богатаго: „Шукай собі, мылый, де ривня!“ На его увѣренія, что онъ готовъ взять ее одну, безъ всего, „якъ зорю на неби“, она отвѣчаетъ: „Все таки скажетъ твоя мать: „На що ты взявъ убогую? Чомъ не взявъ багатой?“ Она будетъ говорить мнѣ съ упрекомъ и насмѣшкой: „Дій ти коровы, що одъ отця прыгналы, выгоняй на пашу вивци, що маты подарувала!“ Одно только необходимо условіе относительно богатства: чтобъ жениться, у козака должна быть хата, хоть какая ни будь, да своя:

„На що мене сватаешъ.
 Колы хаты не маешъ?
 Збудуй хату зъ лободы,
 А въ чужую не веды!
 Бо чужая такая,
 Якъ свекруха лыхая:
 Хочъ не лае, такъ ворчыть,
 А все такы не мовчыть“.

Дѣвушка не пойдетъ за „наймыта“ (работника въ чужой хатѣ), потому что „за наймытомъ дивчынонька симъ разъ на день быта“. Стоитъ послушать пѣсни бездомныхъ бурлаковъ, чтобъ понять, какъ горько жить наймытомъ въ чужой хатѣ:

„Ой хто журбы не знае,
 Нехай мене спытае!
 Ой вырись я въ наймахъ, въ неволи,
 Та не знавъ я доли николи,
 Все чужыи воли пасучы,
 Все чужыи возы мажучы“...

А о другомъ богатствѣ, кромѣ хаты, мало горя. Лучшее богатство мущины—молодость и здоровье:

„Я молодой, я здоровый,
 Буду зарабатываю,
 Ты не будешь, дивчынонька,
 Ни въ чимъ нужды знаты!“

А лучшее богатство женщины—ея красота, ея ласки:

У мене коровы—чорныи бровы,
 У мене овечки—ласкавы словечкы.

Но не такъ думаетъ мать. Натерпѣвшись въ своей жизни горя отъ бѣдности, она не такъ идеально смотритъ на богатство. Желая добра своей дочери, она хочетъ выдать ее за богатаго; и если козакъ, котораго дочь любитъ, бѣденъ, мать препятствуетъ любви.

Наконецъ случается, что матери просто не по сердцу ея будущій зять:

Мету хату, мету сины,
Та й засміялася,
Выйшла маты воды браты,
Та й догадалася.

„Ой пый, маты, тую воду,
Що я наносыла:
Шануй, маты, того зятя,
Що я полюбыла!“ —

— „Ой не буду воды пыты,
Буду розливати:
Нелюбого зятя маю,
Буду разлучаты.“ —

Дочь возражаетъ ей:

„Не розливай, маты, воды,
Бо важко носыты:
Не розлучай мене зъ мылымъ,
Не тоби зъ нымъ жыты!“

Но мать далеко на всегда убѣждается этимъ.

Дѣвушка инстинктивно скрываетъ свою любовь отъ родныхъ. Она выходитъ къ козаку такъ, чтобъ они не знали: когда погаснетъ свѣча, и отецъ, или мать, уснутъ. Она ухитряется

обманывать ихъ надзоръ. Такъ, въ одной пѣснѣ козакъ совѣтуетъ дѣвушкѣ выпустить изъ хаты въ окно голубей и выйти къ нему подъ предлогомъ ловить ихъ. Мать запрещаетъ видѣться съ милымъ, даже бьетъ ее за это, но дѣвушка сноситъ эти гоненія терпѣливо, и даже съ восторгомъ рассказываетъ милому, что мать била ее за него. Иногда мать долго противится любви дочери: ей предчувствуется въ будущемъ для нея „лхая година“ (несчастье), но наконецъ уступаетъ ея настойчивости, предоставляя жалѣть ужъ на себя. Но случается, что мать твердо стоитъ на своемъ: она разлучаетъ милыхъ и даже заставляетъ свою дочь выйти за нелюбимаго богача.

Бываютъ препятствія и со стороны родныхъ жениха. Мать несовѣтуетъ ему жениться на бѣдной сиротѣ, несовѣтуютъ и другіе родные; въ особенности тутъ говорится о меньшей изъ трехъ сестеръ жениха:

Радъ бы я, дивчыно,
Та на тоби й оженытыся,
Такъ не велыть маты
Тебе, сыротыну, браты.

Ой не такъ же маты,
А якъ меньшая сестра:
„Ой не беры, брате:
Бо дивчына безъ доленькы зросла.

Безъ доленькы зросла,
А безъ щастя уродылася,
Вона жъ тоби, брате,
Дружною не судылася“.

Козакъ почти всегда смотритъ съ негодованіемъ на эти совѣты:

„Лучче жъ мыни, сестро,
 Та гиркый полынь исты,
 А нижъ мыни, сестро,
 Сыротыну зъ ума звесты“.

Если жъ онъ еще колеблется, то оскорбленная дѣвушка такъ скажетъ ему:

„Ой хочъ я, козаче,
 Та й удовына дытына,
 Схочу—посміюся,
 Зъ тебе, отецького сына“.

Кромѣ родныхъ, въ любви имѣютъ еще значеніе, какъ препятствіе и причина горя, людскіе пересуды. У каждой дѣвушки, и особенно у красавицы, есть „вороги“, или просто „чужіе люди“, которые завистливо слѣдятъ за нею и распускаютъ про нее дурную молву. Довольно дивчинѣ назвать козака „серденькомъ“,—и уже станетъ объ этомъ слава „по всему свѣту“. На эту „славу“ и на этотъ „поговоръ“ ссылается, какъ мы сказали выше, и мать, не пуская дивчины къ козаку. Часто козакъ и самъ не ласкается къ дивчинѣ, боясь той же славы, поговору. Вороги всегда рады, когда разстраивается счастье любящихся:

Мылый мылу покидае—
 Ворогы раденькы.

Иногда они и сами, своими пересудами, успѣваютъ разстроить это счастье. Вороги мутятъ воду, гдѣ пьютъ влюбленные:

„Два голуба воду пылы,
 А два колотылы:
 Бодай же тимъ тяжко, важко,
 Що насъ розлучылы!“

Но такое вліяніе „чужихъ людей“ на судьбу любви бываетъ не всегда, и даже не въ большей части случаевъ. А между тѣмъ, безъ пересудовъ не обойдется никогда, такъ что на пересуды смотрятъ равнодушнѣе: они считаются необходимою принадлежностью каждаго коханья, безъ нихъ и замужъ ни одна дѣвушка не выйдетъ:

Надъ моею хатыною
 Чорненькая хмара,
 А на мене молодую
 Поговоръ та слава.

А я тую чорну хмару
 Рукавомъ розмаю,
 Перебула поговоры,
 Перебуду й славу.

Ой не пиде дрибенъ дощыкъ,
 Безъ чорной хмары:
 Ой не выйде дивка замижъ,
 Безъ людской славы.

Настучытця, нагрючытця,
 Дрибенъ дощыкъ пиде:
 Набрешутця вороженькы,
 Дивка замижъ пиде“.

Случается, — и эт очаще всего въ украинскихъ пѣсняхъ, — что влюбленные разлучаются: либо милый ѣдетъ на чумакованье, либо его берутъ въ рекруты, либо наконецъ, въ пѣсни не говорится о причинѣ, заставляющей козака бросить ми-

лую. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ отъѣздъ самый торжественный и какой то загадочный. Козакъ ѣдетъ верхомъ на лучшемъ конѣ, въ своемъ нарядѣ (или уѣзжаетъ по Днѣпру, Дунаю); онъ ѣдетъ не то изъ желанія подвиговъ противъ бусурманъ, не то повинувся какому то року: его здѣсь все привязываетъ, а онъ уѣзжаетъ изъ своей родины „въ великую дорогу“, „въ далекія украины“. На чужбинѣ ожидаютъ его невзгоды, тоска; но не меньше достается тоски дома на долю дѣвушки.

Наступаетъ послѣднее свиданіе передъ разлукой. „Куда ты ѣдешь мой милый“? говоритъ дѣвушка. „На чужбинѣ не найдешь такой, какъ я: можетъ быть и найдешь такую красоту, но нигдѣ нѣтъ такого сердца. На кого ты покидаешь меня? Безъ тебя и солнце не будетъ грѣть меня. Безъ тебя всякій, кто захочетъ, станетъ насмѣхаться надо мной“. И много высказывается любви, и много чувствуется горя въ эти минуты. Дѣвушка даетъ своему милому на память вышитую ею хусточку (платочекъ): онъ накроетъ ею свое сѣдло, и каждый разъ, взглянувши, вспомнить свою милую. Они условливаются вспоминать другъ о другѣ,—когда она будетъ поливать свои цвѣты, когда онъ будетъ проѣзжать мимо спѣлаго жита и т. п.. Козакъ проситъ своихъ друзей утѣшать его дивчину; онъ обѣщаетъ возвратиться... когда взойдетъ и расцвѣтетъ песокъ, посѣянный на камнѣ, или назначаетъ какую нибудь другую примѣту, обыкновенно несбыточную. Козакъ ѣдетъ; дѣвушка, въ отчаяніи, схватываетъ его стремя... но не удержать, онъ уѣхалъ:

Ой заплакала дивчинонька,
Здіймаючи руки!

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ прощанье козака какое то гордое, холодное. Или тутъ любовь не такъ сильна, или козаку и въ горѣ нужно быть твердымъ и холоднымъ, или, наконецъ, горе тутъ прикрывается притворнымъ равнодушіемъ.

Козакъ не хочетъ ничего оставить своей дивчинѣ на память: „если вѣрно любишь, и такъ не забудешь“, говоритъ онъ. Онъ уѣзжаетъ даже не простившись, не снявши шапки, не подавши руки на прощанье. И она плачетъ въ отчаяніи:

„Ой поплывъ, поплывъ серденько Днипромъ,
Тихою водою,
Рученькы не давъ, шапочки не знявъ,
Не прощався изо мною.

Ты, васылечку, широкий листочку,
Часъ тебе сорывать:
Ты, козаченьку, мое серденько,
Часъ тебе забуваты!“

Разставанье съ милымъ такъ тяжело для любящей дивчины, что иногда мать, зная это, старается помѣшать ей видѣться съ нимъ передъ его отъѣздомъ. Дѣвушка, ложась нарочно рано спать, проситъ мать разбудить ее съ разсвѣтомъ. Та разбудитъ ее въ обѣдную пору, когда ужъ выѣхалъ ея милый въ чужой край съ чумаками,—чтобъ не тужила дѣвушка, прощаясь съ нимъ. Но развѣ это можетъ помочь горю?

„Ты думаешь, моя мамо,
Що я не журюся?
Якъ выйду я за ворота,
Одъ витру валюся.

Ты думаешь, моя мамо,
А що я й не плачу?
За дрибными слизоньками
Стежечкы не бачу...“

Наконецъ, разлука происходитъ иногда и отъ того, что дѣвушка сама уѣзжаетъ въ чужой край. Она такъ говоритъ о предстоящемъ отъѣздѣ:

„Не топыла, не варыла,
На прыпичку попилъ:
Якъ пиду я зъ сего села,
Останетця сокиль.

Ой роспустывъ вивчарь вивци
Та по крутій гирци:
Комусь буде тяжко, важко,
Якъ я пиду видсиль.

Ой роспустывъ вивчарь вивци,
Та й не позбирае:
Комусь буде тяжко, важко,
Якъ мене згадае.

Но это встрѣчается сравнительно рѣдко.

Итакъ, милый уѣхалъ. Заростають травой и терномъ тѣ тропинки, гдѣ когда-то ходили и говорили онъ и его милая. Дивчина плачетъ „дрибными слезами“ и тоскуетъ по немъ, не столько по его красотѣ, сколько по его вѣрной любви. Ея очи болятъ отъ слезъ, ея сердце ноетъ отъ горя. Безъ милаго ей ни за что взяться не хочется: безъ милаго „и дѣло не мило“. Да и какъ не тосковать ей, какъ ей не беспокоиться? Она знаетъ, какія невзгоды ожидаютъ его на чужбинѣ. „Кто тамъ его приголубить, кто ему постелеть въ дорогѣ постельку? Онъ ночуетъ теперь гдѣ-то въ степи надъ дорогой, прислонившись головкой къ зеленому облогу“.... Дивчинѣ не разъ приходилось слышать рассказы и пѣсни о томъ, какія „пригоды“ (случаи) встрѣчаются людямъ на чужбинѣ. Не одному козаку не судилось возвратиться домой; не одинъ козакъ сгинулъ въ чужой сторонѣ, съ своей вѣчной тоской по родинѣ:

„Ой повій ты, буйный витре, зъ глыбокого яру!
 Прибудь, прибудь, мій мыленький, зъ далекого краю!“ —

— „Якъ же мыни повиваты, що яры глыбокы:
 Якъ же мыни прыбуваты, що край далекы!“

Далеко козакъ. Горе дѣвушки доходитъ до безнадежнаго
 отчаянья:

Хылылыся густы лозы,
 Видкыль витерь віє:
 Дывылыся кары очи,
 Видкыль милый иде.

Хылылися густы лозы,
 Та вже й пересталы:
 Дывылыся кары очи,
 Та й плакаты стали...

Ой не плачте, кары очи,
 Така ваша доля!

Горько и козаку на чужой сторонѣ. Полетѣлъ бы онъ
 въ родной край! Онъ, вздыхая, воспоминаетъ о своей милой,
 и она, по какому-то сочувствію, воспоминаетъ о немъ.

Козакъ пише́тъ „листы“ (письма) къ своей милой, шлетъ
 ей поклоны:

Ой що черезъ межу
 Зеленый горошокъ слався:
 Козакъ до дивчины
 Черезъ люде покланявся:
 „Охъ и поклонитця,
 Ой да вы, добрыи люде,
 Нехай мой мылій
 Тамъ легесенько буде!“

И дивчина не всегда теряет надежду на возвращенье милого. Въ пѣсняхъ рассказывается, какъ она для него го-товить какой нибудь подарокъ, напр. вышиваетъ ему рубаху краснымъ шелкомъ, и т. п.

И вотъ, козакъ возвращается. Радость свиданья, послѣ долгой разлуки, такъ сильна, что, случается, нѣтъ силы ее вынести. Вотъ что поется объ этомъ: козакъ и дѣвушка долго не видались, наконецъ свидѣлись, но не перенесли счастья:

Ой по дивчиноньци дзвоны задзвонили,
А по козакови вовченьки завыли.
„Ой выкопай, маты, глыбокую яму,
Та поховай, маты, сю славную пару;
Та й положи, маты, поручь головами,
Щобъ була розмова тихая мижъ нами!“

„Насыпь надъ нами высокую могилу, пусть говорятъ о насъ по всей Украинѣ!“ Но, обыкновенно, милые встрѣчаются, послѣ разлуки, съ восторгомъ и повторяютъ взаимныя увѣренія въ вѣчной любви.

Нужно обратить вниманіе еще на одно горе отъ любви: когда дѣвушка рѣшается на непризнанную любовь, становится „покрыткою“. Вѣроятно, это происходитъ и отъ того, если, въ слѣдствіе различныхъ препятствій, нѣтъ возможности для брака; но въ пѣсняхъ говорится обыкновенно о тѣхъ случаяхъ, когда козакъ „сводитъ съ ума“ дѣвушку. Я думаю, объ этомъ горѣ говорится и въ этой прекрасной пѣснѣ:

Якъ выйду я на горбочокъ,
Та гляну я на долочокъ:
Долына глыбока, калына висока,
Ажъ до долу гильля гнутця.

Пидъ тією калыною
 Стоить козакъ зъ дивчыною:
 Дивчынонька плаче, сьльненько рыдає,
 Свою долю проклинає:

„Ой колы бѣ я да все знала,
 И зѣ тобою не стояла,
 Не знала бѣ я горя, гуляла бѣ у батька
 Дивчыною молодою“.

Выйшла дивка на горбочокъ,
 Та глянула на свиточокъ:
 „Ой свите жѣ мій ясный, свите мій прекрасный,
 Якый таланъ мій нещасный!

Ой и гаю жѣ, ты мій гаю,
 Ой шумышъ ты не по малу:
 Упустила щастя, упустила долю,
 Та уже и не піймаю!“

Обыкновенно предметомъ неотразимой любви является въ пѣсняхъ „вдовинъ сынъ“:

Нема краю тихому Дунаю:
 Нема впыну вдовыному сыну.

Не въ одной пѣсни рассказывается, какъ онъ соблазняетъ и молодицъ и дѣвушекъ... Быть „покрыткой“—срамъ ни съ чѣмъ несравнимый. Боязнь этого сраму заставляетъ, въ нѣсколькихъ пѣсняхъ, дѣвушку, родившую ребенка, утопить его, чтобъ и слѣду не осталось.

Остается еще сказать, какія бываютъ сопоставленія между женихомъ и невѣстой, готовыми уже „одружиться“ (повѣнчаться). Разумѣется, главное и самое обыкновенное—что они любятъ другъ друга. Но случается нерѣдко, что дѣвушку приневоливаютъ идти за нелюбимаго человѣка. Этотъ „не-

любовь“ всегда богатъ, часто старъ. Мы уже видѣли, какъ неохотно идетъ дѣвушка за богатаго, а тѣмъ болѣе, если онъ еще и не милъ ей. А о томъ, съ какимъ чувствомъ выходитъ за ненавистнаго богатаго старика,—и говорить нечего. Это мученье увеличивается еще больше, если дѣвушка, выходя за него, любить другого: она „говоритъ съ немилымъ, а думаетъ о миломъ“. Но наконецъ ее заручаютъ (обручаютъ) немилому. И еще до свадьбы ходитъ она смутная и заплаканая.

Передъ самымъ выходомъ замужъ, даже если дѣвушка выходитъ и за любимаго ею человѣка, въ ней является сожалѣніе, что скоро придется потерять свою дѣвическую свободу. Да и не диво, что она тоскуетъ: сколько заботъ и трудовъ предстоитъ ей!

II.

ЗАМУЖЕСТВО.

Чи я въ батька не дыгына була?
Чи я въ батька не коханая була?
Взялы мене повинчалы,
И свить мыни завъязалы,
Така доля моя!

(Пѣсня.)

Свадьба — великое событіе въ жизни женщины. Тутъ переступается порогъ: за собой она оставляетъ свою дѣвичью свободу, родныхъ, все, съ чѣмъ сжилась и сроднилась, впереди ожидаютъ ее труды, жизнь въ чужой семьѣ: есть надъ чѣмъ пригорюниться. И свадебныя пѣсни далеко не отличаются ни беззаботностью, ни веселостью. Правда, иногда встрѣчаются и игривыя, довольно веселыя, пѣсни, но такихъ сравнительно очень немного. Чтобъ дать о нихъ понятіе, приведемъ хоть эту:

Коло саду вышневого,
Рано-рано,
Соловейко облитае,
Та ранесенько,

И въ садочокъ заглядає,
 Де галочки гниздечка вьють:
 „Звый, галочко, соби й мыни:
 Извый соби зъ руты, мьяты,
 А мыни звый зъ васылечку!“

Коло дому тесового
 Козаченько обьизджає,
 И въ виконце заглядає,
 Де дивочки виночки вьють:
 „Звый, дивчыно, со й мыни,
 Извый соби зъ повной рожы,
 А мыни звый зъ барвиночку!“

Повторяю, игривыхъ по содержанию, свадебныхъ пѣсень не много. Вообще же нужно сказать, что эти пѣсни полны глубокой грусти, ихъ напѣвы почти всегда заунывные, грустные. „Соберу я, говоритъ невѣста, своихъ гостей, сама сяду, склоню свою головку ниже всѣхъ,

„Тай заплачу молодая дужче обь усихъ“.

Въ эти минуты тяжелыхъ думъ, „развѣ каменное сердце не заплачетъ“, говорится въ пѣсни.

Женихъ въ пѣсняхъ всегда изъ далека. Уѣзжая къ нему, дѣвушка расстаётся со многимъ, что ей дорого. Съ именемъ отца у нея связаны воспоминанія о своей свободѣ, о привольной жизни, о „батьковыхъ роскошахъ“. Какъ ей привольно было у отца:

„Батеньку цвите, мій рожевый квите,
 Мій прокыльненькый свите!
 Я гуляты йду—не пытаюся,
 Забарюся—не боюся;
 Я въ воритечка, ты въ виконечко:
 „Ось иде моя донечка!“

Она гуляла у отца, не знала тяжелой работы. Въ праздники, гдѣ дѣвушки, тамъ и она. „А теперь, говоритъ невѣста,

Мынаютця роскошенькы, сама бачу,
Не разъ, не два по роскошамъ та й заплачу!“

Какъ высоко цѣнится житье у отца, можно заключить уже изъ того, что лучшая похвала для дѣвушки назвать ее „доброго батька дытыною“. Тяжело ей разставаться и съ матерью. Не разъ та говорила ей, посылая гулять съ подругами:

„Гуляй, доненько, скільки хочъ,
Двичи молода не будешъ;
Якъ замижъ пидешъ—забудешъ:
Якъ стара станешъ—згадаешъ!“

И вотъ, пришло время забывать гулянья. Съ какимъ горемъ расстаётся невѣста съ матерью!

„Стань, матинко, въ порози:
Я жъ тобі, матинько, поклонюся,
Кискою земельку устелю,
Слизкамы нижкы обилью!“

Еще больше горя, если у невѣсты и родныхъ нѣтъ, если за нею и пожалѣть некому. Ни что не можетъ сравниться съ тоскою тѣхъ пѣсень, которыя поются на свадьбѣ невѣсты—сироты. Вотъ одна изъ этихъ пѣсень:

Пошлю сокола повыще неба:
Мыни батенька треба!
Чорну галочку на Вкраиночку
По свою всю родыночку.

Ни сокола зъ саду, ни батенька зъ раю,
 Ни родыны зъ Украины!
 Ще соколонько не долитає,
 А батенько на догадъ знає:

„Ой и радъ же бъ я, дытя мое,
 До тебе встаты, тоби пораду даты,
 Та сырая земля двери залегла,
 Оконечко заклепала!“

Много есть такихъ, — поется въ пѣсняхъ, — что готовы пить да гулять на свадьбѣ у сироты, но некому дать ей добрый совѣтъ, некому ее приласкать.

Уходящей изъ роднаго дому невѣстѣ жаль не однихъ родныхъ: жаль ей всего, къ чему привыкла, а привыкла она здѣсь къ каждой мелочи: „Ой тутъ моя привыченька пидъ тыномъ на травци“. Жаль ей хаты, жаль цвѣтовъ, зелени:

„Синечкы мои яворовы!
 Будете не метены:
 Ненька старенька, сестриця маленька,
 А я—пиду видъ батенька!“

Она просить отца не забывать ея любимыхъ цвѣтовъ, поливать ихъ:

„Ранними и пизними рисонькамы,
 Дрибными своїмы слизонькамы“.

Но ни чего такъ не жаль невѣстѣ, какъ жаль ей дѣвчества, жаль русой косы. Не годъ, не два, берегла она свою косу, а теперь ее повяжутъ навсегда.

Не весело и роднымъ отдавать свою дочку на чужбину. Пожалѣють они не разъ о ней:

„Виддаешъ мене, мій батеньку,
 Та й самъ знаешъ,
 Ще не разъ, не два ты за мною
 Та й заплачешъ!

Якъ вышенькы, черешенькы,
 Та цвистымуть,
 Якъ дывочки та виночки
 Та плестымуть,

Мымо твоихъ воритечокъ
 Та нестымутъ,—
 Та не будутъ вже до хаты
 Привертаты,

Та не будутъ кватырочки
 Видсуваты,
 Та не будутъ твоєи донькы
 Выклякаты!“

Пойдетъ мать въ поле жать спѣлое жито, некому помочь ей; сядетъ она полудновать (полдничать), не съ кѣмъ поговорить. Будетъ она искать свою дочь, да спрашивать про нее сосѣдей.

Будущая доля невѣсты—тяжкая загадка для нея. „Надѣйся на Бога, проси у него себѣ счастья!“ вотъ все, что говорятъ ей, только это она и знаетъ. Невѣста переходитъ отъ своей семьи къ мужней; отъ батенька, „повильного свита“, она безвозвратно перейдетъ къ свекру, „невильному свиту“. Теперь, говорится въ пѣсни, первый, главный для нея родъ—свекровь, а отцовскій становится уже вторымъ. Этотъ переходъ безвозвратенъ: замужество: „свѣтъ завязываетъ“. Повѣнчанную дѣвушку сравниваютъ въ пѣсняхъ со сломленной калиной, со скошенной травкой. Съ этой минуты она навѣки принадлежитъ мужу. А онъ, говорится въ пѣсняхъ, можетъ быть и ревнивый, и сердитый. Невѣста, есте-

ственно, боится той семьи, которой теперь станет членомъ. Полетѣла бы она въ чужую сторону развѣдать, каковы ея будущіе родичи. Будетъ ли ей тамъ, у свекра, такъ же хорошо, будутъ ли также бѣлы ея руки, какъ теперь, у отца? Нѣтъ, говорится въ пѣснѣ, не можетъ быть: свекоръ, каковъ бы онъ ни былъ, хоть грозный, хоть ласковый, не будетъ такимъ, какъ родной отецъ. Можетъ быть, у него больше богатства, да не будетъ его невѣсткѣ столько воли, какъ дочери у отца:

„Що у батенька та усюды горы—
Та гуляты до воли,
А у свекорка та усюды ривно —
Та гуляты не вильно“.

Въ новой семьѣ прійдется ей всѣмъ угождать: и свекру, и свекрови, и деверю, и золовкѣ.

Молодые шлютъ съ соколомъ вѣсть къ роднымъ жениха, что уже ѣдутъ, чтобъ ихъ ожидали. И вотъ, ночь. Сильные, воронные кони отца невѣсты тоскливо ржутъ, нехотятъ увозить ее съ родного двора; повезутъ ее свекровы кони, старые, лѣнныя, весело заржавши. „Хоть проводите меня“, проситъ дочь своихъ родныхъ. Вѣтеръ отворилъ ворота. Братъ провожаетъ невѣсту за дворъ и указываетъ дорогу: „Поѣзжай, будь здорова!“ — „Пусть тебя проводить ясный мѣсяцъ да ясныя звѣзды!“ говоритъ ей мать.

Затосковала молодая жена съ перваго же раза, какъ сѣли возлѣ нея чужіе ей люди, родные мужа. Тихо вѣтъ вѣтеръ, а еще тише ѣдетъ мать провожать свою дочку. Она ужасается, какъ та измѣнилась:

„Десь мое дытатко не пыло, не йло:
Да колы бѣ же йло, то бѣ такъ не змарнило“.

Женщина „сдаєть свое дивованье“:

„Нате жъ вамъ, дивочки, дивованье мое!

А вже жъ я пиду

Въ жиночу раду,

Жинкамъ на пораду!“

Пѣсни, въ которыхъ говорится про замужество, наиболѣе вѣрны основному тону всей малороссійской поэзіи—грусти. Въ нихъ почти не говорится о семейномъ счастьи. Все горе, горе и горе! А если гдѣ нибудь и вспомнится про счастье,—то развѣ для того, чтобъ противоположностью только усилить журбу (гореванье), чтобъ еще сильнѣе чувствовать горе.

Мы слышали на свадьбѣ, какъ невѣста, вмѣстѣ съ своимъ дѣвичествомъ, сдала прошлому все свое счастье: свободу, вольную жизнь, беззаботность. Что же дастъ ей судьба въ замѣнъ всего этого, да еще въ награду за предстоящія заботы, за жизнь между чужими людьми?

Разумѣется, теперь доля женщины зависитъ больше всего отъ мужа: „За хорошимъ мужемъ жена молодѣетъ, а за дурнымъ мужемъ жена погибаетъ“. Пожалуй, про жизнь съ хорошимъ мужемъ говорится, что такой женѣ лучше, чѣмъ дѣвушкѣ, что

...„Надъ тую мужню жону,

А надъ тую господиню,—

На свити нема“.

Но, повторяемъ, такія исключенія, чтобъ въ пѣсни говорилось про счастливое замужество, очень рѣдки. Вообще же замужество въ пѣсняхъ—рядъ горькихъ впечатлѣній и тяжелыхъ воспоминаній объ утраченномъ счастьи:

„Кохавъ мене батько якъ билу тополю,
А виддала маты въ тяжкую неволю...
Ой маты, маты, що жъ ты гадала,
Що за нелюба свить завъязала?..“

Горько ласкать нелюбимаго мужа: сидѣть съ нимъ за столомъ, называть его яснымъ соколомъ; легче „поднять тяжелый камень“, легче „ѣсть горькій полынь“, „горячій песокъ“. А мужъ требуетъ любви, онъ даже бьетъ жену *): „темный какъ ночь“, требуетъ отъ нея ласки. Да и онъ самъ навѣкъ погубилъ свою жизнь съ нелюбимой женой. Жизнь бѣдной женщины надломлена, „какъ срубленный тополь“. Въ особенности горька жизнь, когда нелюбимый мужъ еще къ тому и пьяница. Онъ пьетъ, гуляетъ, раззоряетъ семью; приходитъ домой, не заговорить съ женою, бьетъ ее. Бѣдная женщина отъ такой жизни

..... „изнурялася,
Та стала стара, якъ маты моя“.

Женщину не привлекаетъ богатство мужа. Она готова бѣжать отъ него. Жизнь становится для иной такъ невыносима, что ночью она бѣжитъ отъ него, босая, пѣшкомъ, черезъ колючія травы; мужъ догоняетъ ее на лошадяхъ, уговариваетъ ее возвратиться; она проситъ у него ножа пови- нимать „черный терень изъ бѣлыхъ ногъ“ и, въ отчаяннѣи, поражаетъ себя ножемъ въ сердце.

Если у жены есть любовь къ мужу, ей приходится еще терпѣть муки ревности. Мужъ не слишкомъ церемонится съ женой въ этомъ отношеніи, и, зная, что она связана съ нимъ навсегда, даже не старается скрывать отъ нея поводы къ ревности.

*) Про „дротяную нагайку“ упоминается въ пѣсняхъ нерѣдко, напр., жена жалуется своему брату на побои мужа: „нагайка-дротянка кровью обкыпила.“

Въ пѣсняхъ разсказывается про разлуку мужа съ женой. И въ этихъ случаяхъ почти всегда жена любить мужа: „Ой, мылый друже, люблю тебе дуже!“ Бываетъ даже, что и мужъ любить жену и уѣзжаетъ, повинуюсь только необходимости. Вообще, причины отъѣзда мужа бываютъ тѣ же, какъ и причины отъѣзда козака отъ дивчины, о которыхъ говорилось выше. Только горе разлуки—тутъ еще безнадежнѣе, чѣмъ тамъ. Мужъ оставляетъ жену, дитя. Ему предчувствуется гибель въ дорогѣ:

„Ой у поли чорный воронъ кряче,
То жъ винъ мою голову баче...“

Въ случаяхъ невольной разлуки, въ пѣсняхъ слышится сочувствіе и къ мужу, и къ женѣ. Женѣ горько разставаться съ мужемъ. Она удерживаетъ его, хватаетъ за стремя. Когда мужъ уѣхалъ, она плачетъ и тоскуетъ по немъ. И мужъ вспоминаетъ о ней на чужбинѣ, и спрашиваетъ вѣстей о ней у сизаго орла. Наконецъ, онъ иногда возвращается и утѣшаетъ ее, исхудавшую, „зпавшую зъ лыченька“.

Иногда мужъ уѣзжаетъ отъ жены съ отчаянья, что ихъ жизнь не идетъ, какъ должно. Тутъ причиной разлада какая-то роковая недоля.

Наконецъ, случается, что мужъ уѣзжаетъ, бросая жену на произволъ судьбы. Онъ уѣзжаетъ съ другой женщиной, прибавляя для жены къ мукамъ разлуки и одиночества еще и муки ревности. Но тутъ сама судьба караетъ измѣнника. Ему во всемъ чуется упрекъ за его измѣну:

„Ой послухай, чужа жоно, чы дубривонька гуде,
Чы дубривонька гуде, чы мылая въ погонь иде,
Чы соловьи щебечуть, чы то мои дитки плачуть?“

И наконецъ, онъ самъ обращается въ камень, его конь въ яворъ, а „чужая жена“ въ перекати-поле: „Бижи, чужа

жоно, по полю купдю!“ При измѣнѣ имѣють роковую силу проклятья жены. Эти проклятья обратили однажды коня, на которомъ уѣхалъ мужъ, въ гору, саблю въ дорогу, шапку его въ кустъ, одежду въ чистое поле, а его самого въ зеленый яворъ.

Послѣ зависимости отъ мужа, доля женщины зависитъ отъ мужней семьи, которой она стала членомъ: „какъ тяжело быть землѣ безъ травы, рыбѣ безъ воды, птицѣ безъ деревьевъ, такъ тяжело человѣку на чужой сторонѣ безъ отца, безъ матери, безъ милаго рода:“

„Ой чужая сторонашка безъ витру шумыть,
Чужый батъко, чужа маты, не бѣе, а болыть!“

Они при постороннихъ людяхъ осуждаютъ свою невѣстку, называютъ ее лѣнливой, неработницей: „ей бы, говорятъ они, только спать, да гулять, да наряжаться“. „Смутная какъ вода“, она жалуется своему мужу, что какъ ни старается она угождать его матери, та все недовольна, все бранить ее

„Я твой матуси не вгожу:
Помыю ниженькы у лузи,—
Вона помаже въ қалюжи;
Помыю ниженькы у мыли,—
Вона помаже у глыни;
Помажу чобиткы,—не вбуе,
Вона до мене гордусь.
Постелю постельку,—не ляже,
Ще мойму серденьку докаже:
„Ледача невестка, ледача,
„Та ще й до работы не вдача,
„Не вміє дилечка роботы,
„Мыни старенькій годыты!“

А то еще свекровь упрекает невестку: не даромъ та предчувствовала, не рѣшаясь выходить за богатаго; упрекает за ея бѣдность, говоря съ злой насмѣшкой:

„Подій ты коровы, що одъ батька нагнала,
И ти овечки, що маты дарувала!“

Да и не отъ однихъ отца да матери мужнихъ терпитъ женщина, а отъ всей ихъ семьи. Она сама видитъ, что тутъ и не можетъ быть любви къ ней, потому что она имъ, а они ей—не то, что родные:

„Що у мене свекирь та не батенько,
Що у мене свекруха та не матинка,
Що у мене диверько та не братичокъ,
Що у мене зовыця та не сестрыця!“

Эта „чужая семья“ не слишкомъ-то станетъ лелѣять своего пришлаго члена. Вотъ жалоба на то, какъ обходится она съ своею невесткой:

„Головонько моя бидная!
Въ мене ненька та не ридная,
Дружынонька неймовирная,
Чужа симья непрывитная!
Сама сидае, вечерае,—
Мене посилае по воду,
Ще й по воду по холодную,
Незобуту, незодягненую,
Тыльки лычкомъ пидперезаную!“

„Дружынонька неймовирная“: а мужъ еще и не вѣритъ жалобамъ жены на оскорбленія, которыя ей дѣлаются въ его отсутствіе; думаетъ, что она напрасно жалуется, кле-

вещеть ему на его родныхъ. Нелюбовь свекрови къ невѣсткѣ поэтично представлена въ нѣсколькихъ сказаніяхъ. Такъ, въ одной пѣсни свекровь посылаетъ свою невѣстку въ поле брать ленъ, и своимъ проклятіемъ дѣлаетъ то, что та обратилась въ тополь. Мало того; сынъ возвращается изъ дальней дороги и говоритъ матери:

„Изъиздывъ я, мамо, усю Украину,—
Не бачивъ тополи, якъ на нашимъ поли:
Тонка та висока, та лystemъ широка,
Безъ витроньку мае, безъ сонечка сяс“.

Мать велитъ ему взять острый топоръ и срубить этотъ чудный тополь, и когда сынъ сталъ рубить, тополь заговорилъ къ нему:

„Ой не рубай мене, бо я твоя мыла...
Се жъ твоя матуся намъ такъ изробыла!“

И такъ, положеніе жены въ чужой, непривѣтливой семьѣ невыносимо тяжело. И горько для несчастной женщины сознаніе, что она далеко отъ роду, отъ любящихъ родныхъ! только они одни могли бы облегчить ея горе:

„Чоловиче мій, дружыно моя!
Завизъ ты мене, де роду нема,
Де роду нема, а все чужына:
Никуды питы поговорыты,
Въ серци печали та й роздилены“.

Душа ея жаждетъ привѣта, ласки и, не встрѣчая ее отъ людей, она обращается къ природѣ, къ деревьямъ, въ нихъ хочетъ возбудить сочувствіе къ себѣ. Но „дубочокъ та й не батенько“, и

„...береза та й не матинка:
Зъ витромъ гуде, гильля ломыть,
А до мене не промовыть!“

Милъ и дорогъ ей теперь даже вѣтерокъ изъ родной стороны: но оттуда и вѣтеръ не вѣтъ. „Отчего ты такая невеселая? Не такою была ты у матери“, говоритъ ей мужъ. А она ему отвѣчаетъ:

„Мыленькый, мылесенькый мій!
Дай мыни воленьку таку,
Якъ я въ своей матинкы росла,
Въ ридного батенька жыла!“

Мы уже говорили, что въ пѣсняхъ мужъ увозить жену всегда далеко отъ роду, „на чужую сторону“. И попреимуществу эта даль не даетъ роднымъ жены навѣщать ее. Съ другой стороны, и она не бываетъ у родныхъ, и тутъ главное препятствіе — мужъ не пускаетъ, боясь, чтобъ жена не рассказала роднымъ про свою невеселую жизнь. Случаи обыкновеннаго свиданія жены съ родными очень рѣдки въ пѣсняхъ, зато поэзія представляетъ много фантастическихъ свиданій. Общій мотивъ въ этомъ случаѣ — это обращеніе въ птицъ. Народная поэзія видитъ сочувствіе къ человѣку во всей природѣ, и въ особенности въ птицахъ. Въ ихъ пѣньи человѣку слышится то горе, то радость; ихъ вольный перелетъ изъ края въ край заставляетъ догадываться, не тудà ли летятъ онѣ, куда направлены его думы. Черезъ птичекъ посылаются въ пѣсняхъ поклоны, у нихъ спрашиваютъ вѣстей. Наконецъ, воображеніе летитъ само вмѣстѣ съ птичкой, летитъ къ роднымъ, слышитъ ихъ тоску, передаетъ имъ свою... Есть много пѣсень, гдѣ дочь летитъ птичкой къ своимъ роднымъ; она поетъ имъ грустную пѣсню, отъ которой „гнутся и ломаются деревья“:

„Ой якъ же я закувала, ввесь садъ поламала,
Ой якъ же я затужила, ввесь садъ поглушила!“

Эта грустная пѣсня заставляетъ родныхъ узнать въ птичкѣ свою тоскующую дочь, сестру,—и сливается вмѣстѣ ихъ горе. Все это рассказано во многихъ пѣсняхъ. Не могу не привести здѣсь цѣликомъ одну изъ нихъ, необыкновенно полную чувства:

Виддала мене моя матинка,
Виддала, заповидала,
Щобъ я до неї ажъ тры годочки
У гости не бувала.

Жыву я годокъ, жыву я другый,
На третій стало скучно:
Зроблю я крылечка зъ шырого злотечка,
Полечу до батечка.

А мій батенько садочокъ садыть,
Братычокъ птычокъ ловыть,
Моя матинка, ще й старесенька,
Билыи руки ломыть.

„Не рушъ, сыночку, тїи пташечкы,
Що скраю на дубочку:
Бо тїй пташечци, якъ моїи дочки,
У чужій сторононьци“.

Я жъ се почула, та й полынула
Одъ батенька до дому,
Горами летила—горы позбывала
Билымы ниженькамы,
Ярамы летила—яры посповняла
Дрибными слизонькамы.

Между птичками, въ которыхъ обращаются, чтобъ полетѣть къ роднымъ, черезъ которыхъ передаются поклоны въ разлукѣ—главную роль играетъ зозуля (кукушка). „Эта птица, замѣчаетъ г. Максимовичъ*), сиротствующая въ самой природѣ, лишенная радости насиживать свое гнѣздо, составляетъ издревле въ народной русской поэзіи символъ сиротства и родственной печали“. Дочь, тоскующая по матери, проситъ ее:

„Хочъ сывою зозулю перекуй до мене!“

Къ числу фантастическихъ свиданій нужно отнести еще свиданія, основанныя на народномъ повѣрьи, что умершая мать приходитъ повременамъ навѣститъ, до восхода солнца, свою дочь въ злой долѣ. На этомъ повѣрьи основана слѣдующая пѣсня:

Ище сонце не зиходыло,
 Якъ до мене щось прыходыло:
 Прыходила моя матинка,
 Прыходыла мая ридная,
 Порадонька моя вирная.
 Вона въ мене не обидала,—
 Життя мое та й розвидала;
 Вона въ мене не полуднувала,
 Тилькы мене прыголубыла,
 Вона въ мене не барылася,
 Тилькы сила—пожурылася.
 Провожу я свою матинку,
 Провожу я свою ридную,
 За тры шляхы за шырокыи,
 За тры горы за высокыи...
 Сама стану пидъ калыною

*) Сб. Украин. пѣс., изд. Мих. Максимовичемъ. Кіевъ, 1849, стр. 9, прим. 5.

Изъ маленькою дытыною.
 Озирнетця моя матинка,
 Озирнетця моя ридная,
 Порадонька моя вирная:
 „Чого стоишъ, моя доненько,
 Чого стоишъ, моя ридная,
 Головонько моя бидная?
 Чы травыця ноги зпутала,
 Чы росыця очи выила?“ —
 — „Не травыця ноги зпутала,
 Не росыця очи выила:
 Зпутало мене замужьячко,
 Та невирное подружьячко...“

Кромѣ свиданій, въ пѣсняхъ упоминается еще и про другія сношенія „съ родомъ“: про „листы“ (письма), про поклоны, про посылку цвѣтовъ по водѣ; иногда, наконецъ, родные, будучи очень далеко другъ отъ друга, просто переговариваются между собою. Напримѣръ, дочь бросаетъ розовый цвѣтокъ на воду, чтобъ онъ плыль къ ея роднымъ. Мать приходитъ къ рѣкѣ за водой, и находитъ цвѣтокъ. „Вѣрно, дочь моя лежитъ больная, что завяль ея цвѣтокъ и на водѣ“. — „Нѣтъ, матушка, не больна я, а попалась въ руки злому мужу“.

Послѣ матери, женщина больше всего тоскуетъ, въ пѣсняхъ, по братѣ. Эта тоска хорошо выражена въ извѣстной думѣ «про сестру и брата» *), а также и во многихъ пѣсняхъ. Случается, что братъ бываетъ въ гостяхъ у сестры. Сколько нѣжности въ тѣхъ пѣсняхъ!

Сыва возуленько, не куй жалибненько,
 Та не збуды мого гостя дорогого,
 Гостя дорогого, братика ридного!

*) См. во многихъ сборникахъ малоросс. пѣсенъ.

Ой я сама знаю, колы избудыты—
 Якъ яснее сонечко стане изходыты:
 „Ой встань, мій братику, ой встань, пробудыся!
 Ой тамъ у садочку водыця въ кубочку,
 А въ новій свитлыци рушныкъ на килочку:
 Водыцею вмыйся, рушныкомъ утрыся,
 Тоди, мій братику, на скамью садыся!
 Будемъ говорыты, будемъ розмовляты,
 Якъ маленькихъ дитокъ та й погодуваты!“

Не разъ, въ горькія минуты раздумья, вспомнится женьщинѣ ея погибшая молодость. Лучше ей тогда было, когда она была дѣвушкой, чѣмъ теперь, молодицѣ. Ее, вспоминается въ пѣсняхъ, лелѣяла мать, ее лелѣялъ отецъ „какъ бѣлую тополь“. Теперь, у свекрови, ей „какъ дереву при дорогѣ“: „съ ночи до ночи“ она на работѣ, приходитъ домой печальная. А тогда, у матери, она росла, „какъ дерево въ саду зеленомъ между цвѣтами“: съ ночи до ночи она, бывало, гуляетъ не дѣвичьихъ играхъ, приходитъ домой въ вѣнцѣхъ изъ васильковъ. Прошло это счастливое время:

„Ой летила зозуленька черезъ делованье:
 Верны, верны, мыйй Боже, мое дивованье!“

Но „дивованья“ не воротишь. Женильба—союзъ, который заключается навѣки: „жена не груша, которую попробуешь, да и бросишь“. Замужество опредѣляется рокомъ. Тутъ и жалѣть не на кого; такъ судила доля: „така доля моя!“ То же утѣшеніе говоритъ ей и мать:

„Не плачь, доню, ни на батька свого,
 Не плачь, доню, ни на неньку свою:
 Заплачь, доню, на недоленьку,
 Що попалася въ неволеньку!“

Противъ своей «доли» человекъ безсиленъ. Въ пѣсняхъ съ грустной проницательностью рассказывается объ этомъ безсиліи.

И терпитъ женщина свое горе до конца. Вспоминаетъ свое прошлое счастье; видитъ въ настоящемъ такое горе, что лучше бы ей и не жить; да и въ будущемъ не предвидитъ ничего отраднаго. Въ сосредоточенномъ отчаяніи склоняетъ она свою голову передъ судьбой, передъ той мыслью, что такова ея горькая доля. Но и въ самомъ отчаяніи поэзія не покидаетъ ее. Напротивъ, пѣсня становится теперь ея единственнымъ утѣшеніемъ. Высказавши свое горе въ безвыходно-грустной пѣснѣ, она должна чувствовать отраду, какъ это чувствуется, когда выплечешь слезы, накопившія отъ долгой и безмолвной муки. Послушайте, какъ выражена тоска и вмѣстѣ поэзія этого отчаянія:

„Чы я въ лузи не калына була,
Чы я въ лузи не червоная росла?
Взялы мене поламалы
И въ пучечкы повъязалы:
Така доля моя!

Чы я въ поли не пшениця була,
Чы я въ поли не зеленая росла?
Взялы мене та й пожалы
И въ снопыкы повъязалы:
Така доля моя!

Чы я въ батька не дытына була,
Чы я въ батька не коханая росла?
Взялы мене повинчалы
И свить мыни завъязалы:
Така доля моя!

Чы не було ричкы утопытысь мыни,
Чы не було кращого полюбытысь мыни?
Булы ричкы—повсыхалы,
Булы кращи—повмиралы:
Така доля моя!“

III.

МАТЬ И ДѢТИ.

Нема въ свити правды, якъ ридная маты!
(Пѣсня).

Хотя материнскія чувства и отношенія естественно связаны съ замужествомъ, но мы предпочитаемъ говорить о долѣ женщины, какъ матери, въ отдѣльной главѣ. Отъ этого, во первыхъ, въ рассказѣ не будутъ смѣшиваться изображенія разнородныхъ по своему существу чувствъ, а во вторыхъ, есть и другое основаніе: въ малороссійскихъ пѣсняхъ понятіе о матери ближе сродно съ понятіемъ о вдовѣ, чѣмъ съ понятіемъ о замужней женщинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, почти во всѣхъ замѣчательныхъ по своей поэзіи пѣсняхъ, изображающихъ материнское чувство, мать представляется вдовою. Пѣсня рѣшительно не сочувствуетъ второму браку. «Не выходи за вдовца», говорится дѣвушкамъ: «онъ твое бѣлое лицо сравняетъ съ своимъ». «Не женись другой разъ», говорится вдовцу: «вторая жена разгонитъ твоихъ дѣтей». А если онъ и женится, то не разъ пойдетъ на могилу своей первой «дружины», и будетъ на-

прасно звать ее утѣшить плачущихъ дѣтей. Въ особенности непріязненно смотрять пѣсни на вторичный выходъ замужъ вдовы. „Не женись на вдовѣ; у нея сердце, какъ зимнее солнце: хоть и свѣтитъ, да не грѣетъ; легко на ней жениться, да не легко будетъ жить съ нею: она твоихъ дѣтей кормить не будетъ; не будетъ тебѣ съ нею счастья!“ Замѣтимъ здѣсь, что жизнь вдовы представляется въ пѣсняхъ въ очень невеселомъ видѣ. Никому такъ не горько жить, какъ бѣдной вдовѣ:

„Горѣ жъ мыни, горе, нещаслива доля!
 Выорала бидна вдова мысленькамы поле,
 Чорными очыма та й заволочыла,
 Дрибненькымы слизонькамы все поле зросыла!“

Она „поливаетъ свое поле своими слезами“: такъ тяжела ея жизнь. Не видя для себя никакой радости въ жизни, лишенная возможности, да едва ли и имѣя желаніе, выйдти замужъ въ другой разъ,—можетъ быть, по этому самому вдова вся сосредоточивается на материнскомъ чувствѣ, и это чувство подкрѣпляетъ ее и даетъ ей силы въ трудной жизни. Какъ обратная сторона того же взгляда, въ пѣсняхъ видно особенное сочувствіе ко „вдовинымъ дѣтямъ“. Такъ, напр., „вдовинъ сынъ“ обладаетъ какою-то особенной чарующей силой въ любви.

Вообще нужно замѣтить, что малороссійскія пѣсни гораздо больше говорятъ о материнской любви къ дѣтямъ взрослымъ, или, по крайней мѣрѣ, къ такимъ, которыя уже въ состояніи понимать эту любовь и отвѣчать любовью же, чѣмъ объ этомъ чувствѣ относительно маленькихъ дѣтей. Такихъ пѣсенъ, гдѣ мать „утишаетца малою дытыною“, не много.

Что касается до колыбельныхъ пѣсенъ, то лучшія изъ нихъ тѣ, гдѣ мать пророчитъ своему дитяти счастливую долю:

„Ой спы, дитя, безъ сповытѣтя,
 Покры маты зъ поля прыйде,
 Та прынесе тры квиточки:
 Одна буде дрымывая,
 А другая сонывая,
 А третья щасывая,
 Ой щобъ спало, щастѣтя мало,
 А щобъ росло не болило,
 На серденько не скорбило!
 Ой ристочки у кисточки,
 Здоровьячко на сердечко,
 Розумъ добрый въ головоньку,
 Сонькы—дримкы у виченькы!“

Вотъ еще пѣсня, какъ мать призываетъ сонъ къ своему дитяти:

Ой ходыть сонъ коло виконъ,
 А дримота коло плота;
 Пытаеть сонъ дримоты:
 „Де будемо ночуваты?“—
 —„Де хатонька тепленькая,
 Де дытына маленькая,
 Тамъ будемо ночуваты,
 Дытыноньку колыхаты“.

Въ другихъ пѣсняхъ, мать надъ колыбелью задумывается о будущей судьбѣ сына, о разлукѣ съ нимъ, воспоминаеть о своемъ любимомъ мужѣ и т. д. Но большинство колыбельныхъ пѣсенъ не отличается глубокимъ содержаніемъ: поется про котика, про кыцю (кошку), про зайчика, и т. п. Многія изъ этихъ пѣсенъ очевидно сложены не самой матерью, а нянями, и даже дѣвочками, которымъ обыкновенно поручается убаюкивать и забавлять своихъ маленькихъ сестеръ и братьевъ. Въ этихъ пѣсняхъ—простодушіе дѣтской фантазіи.

Вмѣстѣ съ дѣтьми растетъ и привязанность къ нимъ и становится чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе. Невозможно передать ту нѣжность, которою полны материнскія пѣсни. Нѣтъ привязанности болѣе сильной, болѣе самоотверженной, какъ любовь матери къ дѣтямъ. Для того, чтобъ выразить всю безпредѣльность своей любви, козакъ, какъ мы видѣли выше, говоритъ своей коханой, что онъ ее любитъ, „якъ маты дытыну“. Жизнь сына составляетъ жизнь матери; она гордится его славой, его счастье—ея счастье, и его горе—ея горе. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ никого, кто бы былъ милѣе сына. Даже по красотѣ не найти такого:

„Подывлюся, мій сыну, на тебе:
Чы є такой козакъ на Украини,
Якъ ты въ мене, мій сыну вродливый?“

Отвѣтомъ на нѣжную любовь матери служить въ мало-россійскихъ пѣсняхъ любовь къ ней дѣтей. Дѣти обращаются къ ней съ почтеніемъ, кланаясь ей „нызесенько въ ноги“. Они знаютъ, что никогда не встрѣтитъ имъ такой любви, какую видятъ отъ матери; что какова ни будетъ ихъ будущая судьба, ея любящее сердце всегда будетъ съ ними. И мать для дитяти дороже всего на свѣтѣ. „Кто тебѣ самый вѣрный другъ, спрашиваетъ мать своего сына: жена ли, теща или мать?“ — „Зачѣмъ тебѣ, моя родная, и спрашивать объ этомъ?“ отвѣчаетъ сынъ: „можно бы и самой знать, что ты мой лучшій другъ. Изъ за меня ты столько терпѣла, страдала!“... Есть, правда, въ пѣсняхъ случаи неблагодарности дѣтей къ матери, напр. рассказывается, что жестокіе сыновья выгнали свою мать изъ дому, но скоро пришлось раскаяться имъ, и пришли они къ матери, со слезами прося ее возвратиться къ нимъ... Разочаровываясь во всемъ, дѣти никогда не разочаруются въ материнской любви; и когда они даже сознаютъ горькими опытами тор-

жество неправды на свѣтѣ, воспоминаніе о матери всегда останется свѣтлымъ въ ихъ душѣ, и скажутъ тогда, что среди царствующей неправды и зла

„Тилькы въ свити й правды, що ридная маты!“

Мы уже говорили о томъ, какими грустными красками изображается въ пѣсняхъ безпріютность сиротъ. И для сироты уже одно воспоминаніе о матери доставляетъ отраду и заставляетъ забыть на минуту слезы сиротства и безпріютности.

Для того, чтобъ понять значеніе материнской любви, обратимъ вниманіе на то, какое приписывается вліяніе на судьбу дѣтей материнскому благословенію и проклятію. Счастливъ тотъ человѣкъ, говорится въ пѣсняхъ, который почитаетъ своего отца и мать: ихъ молитвы и благословенія помогаютъ и въ пахарствѣ, и въ ремеслѣ, и въ купечествѣ, поднимаютъ утопающаго со дна моря, спасаютъ изъ „супротивной хвыли“ (волны), ихъ молитвы искупаютъ отъ грѣховъ, даже смертоносный мечъ минуетъ того человѣка. Насколько благодѣтельно благословеніе, настолько же пагубно проклятіе матери. Часто говорится въ пѣсняхъ, что отъ матери зависитъ дать, и въ особенности недать, своему дитяти и красу и долю:

„Уродыла мене маты въ зеленій диброви,
Та не дала мыни маты ни щастя, ни доли,
Тилькы дала станъ высокій та чорны бровы!“

Такія жалобы на то, что мать „не дала доли“, слышатся въ пѣсняхъ зачастую. Проклятѣя имѣютъ тутъ большую силу, и дитя, надъ колыбелью котораго раздавались материнскія проклятѣя, навѣкъ лишено счастія. Народъ вѣритъ, что материнское проклятіе бываетъ причиною слѣпоты и

другихъ несчастій и болѣзней. Человѣка, который не почитаетъ отца и матери, не выносить на себѣ и море: въ думахъ рассказывается, какъ пѣнятся и бушуютъ волны, чуя на себѣ такого грѣшника, и только раскаяніе, по словамъ тѣхъ думъ и пѣсень, спасаетъ его. Проклятія матери имѣютъ силу даже надъ женой сына. Мы говорили уже о пѣснѣ, гдѣ недобрая свекровь обратила свою невестку въ тополь... И на томъ свѣтѣ, въ аду, человѣкъ, не почитавшій родителей, считается грѣшникомъ изъ грѣшниковъ: всѣ другія грѣшныя души будутъ прощены, но его душѣ никогда не дожидаться прощенія. Вотъ что поется объ этомъ въ одной щедровкѣ:

„Ой сивъ Христось та вечераты,
 Прийшла къ ёму та Божая Маты.
 — „Сидай, Маты, вечераты!“
 — „Ой спасыби, Сыну, за сю вечерыну!
 Дай мыни, Сыну, золотыи ключи,
 Одимкнуты рай и пекло,
 Выпустыты гришны души;
 Тилькы одну та не выпускааты,
 Бо та душа согришыла:
 Отця и матирь налаяла...
 Не налаяла,—тилькы подумала!“

Много трудовъ и заботъ приходится матери вынести, пока она вскормитъ, „выкохаетъ“ свое дитя. И велика сила этихъ заботъ; все, что есть хорошаго въ матери, переходитъ къ ея дѣтямъ. Хвалятъ дѣвчушку и прибавляютъ:

„Ничого дывуваты:
 Така була іи й маты“.

Само Провидѣніе сверхъестественнымъ даже образомъ покровительствуетъ заботамъ матери, напримѣръ посылая

чудесный урожай на ея ниву. Вотъ пѣсня, въ которой пре-
красно изображено это покровительство:

„Ой изъ за горы та буйный витерь віє,
А тамъ удивонька та пшениченьку сіє.
Посіяла, стала волочыты,
А заволочывшы, стала Бога просыты:
„Ой уроды, Боже, сю пшениченьку яру,
На вдовыны диты та на людську славу!“
Ище удивонька и до дому не дійшла,—
Уже жъ іи ярая та пшениченька зійшла;
Ище удивонька и на лави не сила,—
Уже жъ іи ярая та пшениця поспила.
Пишла удивонька та пшеницы глядиты,
Ажъ тамъ перепелка та вивела малыи диты.
„Ой не литай, ненько, темненькои почи,
Бо выколешъ, ненько, на былиноньку очи!“
—„Ой якъ мыни, диткы, у ночи не литаты,
Що вы малесенькы, а треба васъ годуваты!
Диты жъ мои, диты, пропадаю за вами,
Ой що немає перепела надъ вами!“
—„Не журыся, наша ненько, надъ нами,
Якъ поростуть крыла—порозлитаємося й самы!
Та буде насъ, ненько, по горахъ и по долинахъ,
Та буде насъ, ненько, й по чужыхъ украинахъ!“

Здѣсь сама природа представляетъ, въ видѣ перепелки
и ея дѣтей-сиротъ, утѣшеніе матери, горюющей такъ же
точно за своихъ дѣтей.

Нѣтъ предѣла материнской любви, нѣтъ конца ея забо-
тамъ о дѣтяхъ. Мы уже говорили отчасти въ двухъ пер-
выхъ главахъ о томъ, какое участіе принимаетъ мать въ
судьбѣ дочери: сначала въ ея коханьи, а потомъ и въ за-
мужествѣ. Мать неодобрительно смотритъ на коханье, боясь
людской славы; она не пускаетъ свою дочь на свиданія съ

милымъ; если будущій зять ей не по сердцу, она старается разстроить коханье, не допустить до свадьбы; правда, она часто уступаетъ настойчивости дочери, но не всегда; напротивъ, иногда она успѣваетъ-таки выдать дочь за того, за кого сама предпочтетъ, по своимъ практическимъ соображеніямъ относительно будущей судьбы дочери. Мать сама очень живо чувствуетъ горе, которое переноситъ ея дочь изъ-за любви; она старается облегчить ей это горе, устраняя, напримѣръ, свиданіе ея съ милымъ передъ разлукой. Вообще говоря, мать представляется въ пѣсняхъ непріязненной коханью силой; но и въ этихъ случаяхъ, когда она даже бываетъ причиною горя для дочери, ею руководитъ, конечно, единственно желаніе добра своему дитяти. Дочь хорошо видитъ это и, несмотря даже на горе, которое ей приходится терпѣть отъ вмѣшательства матери, всегда чувствуетъ къ ней глубокую привязанность. Эта привязанность лучше всего отразилась, какъ мы видѣли, въ свадебныхъ пѣсняхъ: дорогое еще дороже, когда предстоитъ утратить его; а уходя отъ матери къ мужу, дочь теряетъ привольную жизнь, нѣжныя заботы, разумные совѣты и наставленія. И какой по этому безвыходной грусти полны тѣ пѣсни, гдѣ дочь прощается съ матерью! Если мать выдала ее „въ тяжкую неволю“, за немилаго человѣка, котораго „полюбила не невѣста, а ея мать“, то когда приходится дочь терпѣть отъ такого замужества, прорывается у нея иногда тяжкій упрекъ матери, что та ей „за нелюба свить завязала“. Но гдѣ-жъ находитъ она и утѣшеніе, какъ не въ матери? Одна мать такъ тоскуетъ по ней, такъ ей сочувствуетъ! Къ матери летитъ она птичкой и, возвращаясь, „наполняетъ яры слезами“. Когда мать пріѣзжаетъ къ ней въ гости—это для нея самое высшее счастье. И послѣ своей смерти, мать приходитъ съ утѣшеніемъ къ изголовью своей дочери. Обо всемъ этомъ мы говорили подробнѣе въ разныхъ мѣстахъ первыхъ двухъ главъ; повторяемъ здѣсь вкратцѣ, чтобъ

привести въ связь и порядокъ то, что тамъ, по ходу разсказа, представляется въ разрозненномъ видѣ.

Не мало участія принимаетъ мать и въ судьбѣ сына. Въ кохани, однако-жь, козакъ свободнѣе, чѣмъ дѣвушка. Участіе матери выражается здѣсь больше въ совѣтахъ. Но нерѣдко постигаетъ несчастіе неслушающаго этихъ совѣтовъ:

„Ой сонъ, маты, ой сонъ, маты, сонъ головоньку клонить!“
— Отто жъ тобі, мій синочку, своя воленька робить,
Що до тебе, мій синочку, сама дивчына ходить!“

Въ этой же пѣснѣ разсказывается далѣе, какъ эта дивчина любила разомъ троихъ и отравила козака. Здѣсь опять приходится сказать о томъ, какую необыкновенную силу въ любви имѣетъ вдовинъ сынъ. И молодицы и дѣвушки хоромъ жалуются вдовѣ-матери, что ея сынъ „шкоду робить“: онъ всѣхъ „сводитъ съ ума“; какъ „нѣтъ краю тихому Дунаю“, такъ нѣтъ ему въ любви „перепону“ (препону). Иногда вдовинъ сынъ употребляетъ даже во зло свою силу и бываетъ причиною горя.

Замѣтнѣе вліяніе матери въ дѣлѣ женитьбы сына. Безпрестанно встрѣчается въ пѣсняхъ выраженіе „женить сына“. Козакъ, напримѣръ, самъ говоритъ матери: „Ой, стара нене, чомъ не женишъ мене?“ Изъ этого нельзя, впрочемъ, вывести заключенія, будто мать просто указываетъ сыну на невѣсту, и онъ долженъ этому повиноваться: выраженіе „женить сына“ не значитъ приказывать ему жениться; оно только указываетъ на великое значеніе материнскаго совѣта, противъ котораго сынъ едвали захочетъ идти, хоть и можетъ. Вообще нужно сказать, что вліяніе матери въ дѣлѣ женитьбы сына не имѣетъ характера принужденія, какъ въ замужествѣ дочери. Мать только совѣтуетъ сыну. Такъ, она совѣтуетъ ему брать себѣ такую жену, которая умѣла бы хорошо работать, вымести хату, замѣситъ дижу, брать не бѣдную, а

богатую, не совѣтуетъ брать вдовы, у которой „серце, якъ зимнее солнце“; иногда мать не совѣтуетъ брать сироты, иногда же напротивъ (различные взгляды) совѣтуетъ брать сироту. Случается, что сынъ находится въ нерѣшимости, жениться ему, или нѣтъ; онъ спрашиваетъ совѣта у матери. Запрещеніе не исключаетъ, какъ мы уже сказали, возможности женитьбы; мать только отказывается непослушному въ своемъ благословеніи:

Ой любивъ Козакъ да три годы одну дивчину,
Да не вельтъ маты тїи дивчины браты:
„Ой якъ будешъ, сынку, тую дивчину браты,
То не кажи, сынку, що я твоя ридная маты!“

Сила совѣта матери очень велика. Однажъ, иногда ей приходится женить сына противъ своего желанія и взять себѣ невѣстку „не до любви“. Мы уже говорили, какія невзгоды ожидаютъ такую невѣстку...

Всего поэтичнѣе представляется въ пѣсняхъ разлука матери съ сыномъ. Говоря о разлукѣ козака съ дивчиною, мы уже упоминали, какія обыкновенно бываютъ причины разлуки: чумакованье, отъѣздъ въ войско, отъѣздъ просто на чужую сторону, на вольную жизнь, искать доли. Все это бываетъ причиной и разлуки матери съ сыномъ; кромѣ того, есть пѣсни, гдѣ мать сама отсылаетъ отъ себя сына, въ порывѣ гнѣва, — или для того, чтобъ избавить его отъ преслѣдованій отчима, ея втораго мужа.

Необходимость, или охота, которая, по пословицѣ „гирше неволи“, отрываетъ козака отъ матери. Еще до наступленія разлуки, мать предчувствуетъ, какъ ей горько будетъ жить одной: кто приглянетъ ея бѣдную головку, кто утѣшитъ ея старость? Между тѣмъ, наступаетъ роковой день. Рано, чуть свѣтъ, съѣзжаются всѣ родные провожать козака въ далекую дорогу.

Мать и сынъ обѣщаютъ вспоминать другъ о другѣ въ разлукѣ. Сестры козака готовятъ ему хустку (платокъ), сбрую, коня. Мать проситъ козака не увлекаться безумной отвагой, не выбѣгать во время битвы ни впередъ, ни назадъ войска, а держаться по срединѣ, гдѣ идутъ пожилые козаки. „Когда намъ ждать тебя назадъ?“ спрашиваютъ родные. Отвѣчаетъ онъ горькой шуткой: „Когда выростетъ песокъ на камнѣ, когда перо станетъ тонуть на дно, а мельничный камень станетъ всплывать на поверхность воды, тогда ждите меня. Мой вороной конь споткнулся у воротъ—плохой знакъ!“. Родные плачутъ. Козакъ проситъ друзей, чтобъ утѣшали его мать:

—„Ой не плачте, не журитця, въ тугу не вдавайтесь:
Загравъ мій кинь вороненькый,—назадъ сподивайтесь!“

Сѣлъ козакъ на коня, и—упала его мать, рыдая, на землю. Онъ хочетъ ѣхать—она хватаетъ его стремя... Но

„У городи Очакови вдарылы изъ лука:
Да вже жъ тобі, вдовынъ сыну, зъ матерью розлука!“

Онъ долженъ ѣхать. Смутно выѣзжаетъ онъ со двора. Родные провожаютъ его за село. Долго стоятъ они на курганѣ за селомъ, провожая глазами уѣзжающаго. И еще дольше плакали они, возвратясь одни домой...

Кто можетъ рассказать тоску матери по сынѣ! Она плачетъ, „слезами море дополняетъ“, бьется о сырую землю. Ее тревожитъ неизвѣстность, ее пугаютъ злыя предчувствія. Она спрашиваетъ о сынѣ у козаковъ, которые возвращаются изъ войска, и у орла, и у сокола. Она ловитъ каждую вѣсточку о немъ.

Состояніе души козака, уѣхавшаго отъ матери, выразилось, на примѣръ, въ этой истинно поэтической пѣснѣ:

Ой кряче, кряче та чорненький воронъ
 Та у лузи надъ водою:
 Ой плаче, плаче молодой козаче
 На коньку вороному.

„Вороний коню, грай ты пидо мною,
 Та розбий ты тугу мою!
 Розбий, розвий тугу по темному лугу
 Козакови молодому!“

Ой йде козакъ дориженькою,
 Слизоньками умывається:
 „Десь моя ненька, десь моя старенька,
 Та за мною убивається!..“

Ой въ недиленьку, рано по раненьку,
 Ище сонце не зиходило,
 Та зъизджалася вся моя родына,
 Вона мене випроводыла.

„Випровожаешъ мене, моя родынонько,
 Та чы не жаль тобі буде,
 Якъ я пиду на ту Украину,
 Та помижъ чужьи люде?“

Ой згадай мене, моя стара нене,
 Сидаючи та обидаты:
 „Десь моя дытына на чужій сторонци,—
 Та никому та й одвидаты!“

Ой згадай мене, моя стара нене,
 Якъ сядешъ у вечери йсты:
 „Десь моя дытына на чужій сторонци,—
 Та нема одъ ёго висты!“

Такъ какъ наша цѣль была рассказать собственно долю матери, то мы и не послѣдуемъ за сыномъ, шагъ за шагомъ, въ его дальнюю дорогу. Теперь не мать вымоетъ ему голову,

„вымоють ее дожди, высушить буйный вѣтеръ, расчешетъ густой теренъ“. Онъ идетъ на войну, гдѣ „текутъ рѣки все кровавыя, мосты мостятъ козацкими головами“. Въ пѣсняхъ любимый мотивъ въ этомъ случаѣ тотъ, что добывши себѣ славу „на цѣлый свѣтъ“, козакъ погибаетъ въ битвѣ, гдѣ онъ одинъ „убилъ семь полковъ“. Съ послѣднимъ вздохомъ козакъ посылаетъ поклонъ матери. Хорошо еще, если его товарищи, свидѣтели его гибели, похоронятъ его, какъ прилично козаку,—выкопавши ему могилу саблями и отдавши ему честь выстрѣлами изъ „гарматъ“ (пушекъ); бываетъ хуже: „орлы налетятъ и вынутъ ему глаза, птицы обдерутъ его тѣло отъ желтыхъ костей, волки разнесутъ эти кости по тернамъ и оврагамъ: такъ они празднуютъ козацкія похороны!“ И тутъ—

„Деся взялася сыза зозуленька,
Въ головахъ сидала, жалибно кувала,
Якъ сестра брата, або маты сына, оплакала“.

Возвращаются козаки изъ похода. Мать выходитъ къ нимъ на-встрѣчу и узнаетъ роковую вѣсть: она видитъ, что этотъ конь безъ сѣдока, понурившій голову—конь ея сына. И упала она въ отчаяньи на сырую землю...

Не исчерпать всѣхъ проявленій материнской любви, какія встрѣчаются въ малороссійскихъ пѣсняхъ. „Нема въ свити правды, якъ ридная маты“: всю свою жизнь она жила для любви къ дѣтямъ, и была для нихъ отрадой, часто единственной. Выше приведена пѣсня, гдѣ мать, уже умершая, не перестаетъ служить отрадой для дочери, и является къ ея изголовью утѣшить и погоревать вмѣстѣ съ нею. Вотъ какъ вспоминаютъ дѣти о своей матери:

„Маты жъ наша, маты,
Де жъ намъ тебе взяты?“

Хыба жъ тебе, маты,
Та й намалюваты?...
Намалюю матирь
На божнычку въ хати,
На божнычокъ гляну,—
Матирь испомьяну;
Назадъ обернуся,—
Слезами зальюся!“

Такъ представляется въ малороссійскихъ пѣсняхъ жен-
ская доля, полная любви и горя.

Іюнь 1864 г.
Полтава.

Borovikovskij, Aleksandr L'vovič,

Ženskaja dolja po malorossijskim pėsnjam očerk iz malorossijskoj poėzii A.
Borovikovskago

S.-Peterburg 1879

81.95297

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11385194-2